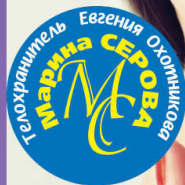

Марина
СЕРОВА

День твоей смерти

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Марина Сергеевна Серова
День твоей смерти
Серия «Русский бестселлер»
Серия «Телохранитель
Евгения Охотникова»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41611154

День твоей смерти: Эксмо; М.; 2019

ISBN 978-5-04-100419-4

Аннотация

Крупный бизнесмен Андреев просит Евгению Охотникову охранять его мать Лизавету, пока он сам с семьей будет в отъезде. Поближе познакомившись с подопечной, Женя понимает, что в первую очередь ее нужно защищать от нее самой. А вскоре еще и выясняется, что в прошлом Лизаветы есть своя темная история, последствия которой догоняют старушку только сейчас. Но Лизавета уверена, что ей не нужен телохранитель, и это только усугубляет ситуацию...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	27
Глава 4	40
Глава 5	56
Глава 6	76
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Марина Сергеевна Серова

День твоей смерти

© Серова М. С., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1

Дверь в мою комнату тихонько отворилась.

– Не спишь, Женя? – спросила тетя Мила, заглянув внутрь, хотя по звуку работающего телевизора ответ был и так ясен.

– Нет, пересматриваю старое кино. – Я убавила громкость.

– Женечка, я хотела спросить, что приготовить тебе на ужин? – Тетушка продолжала стоять в дверях.

– Мне все равно. Что тебе проще, то и приготовь.

– Ты же знаешь, любая готовка мне в удовольствие.

– Так уж и любая? – спросила я, чтобы поддержать разговор. – Наверняка есть блюда, которые тебе нравится готовить больше.

Тетушка задумалась.

– Сложный вопрос, – сказала она и тут же перевела стрелки на меня: – Женя, а ты можешь вот так, с ходу, сказать, какая работа тебе предпочтительнее? Кого ты больше любишь охранять – мужчин, женщин, детей?

– Без разницы, главное, чтобы я четко понимала, какие передо мной стоят задачи. Даже не так – чтобы клиент понимал, какие задачи я выполняю. А то некоторые нанимают телохранителя для своих донельзя избалованных деток, хотя на самом деле им нужна гувернантка с твердым характером. А есть и такие, которым не нужна личная охрана, они просто

хотят произвести впечатление на окружающих.

– Не понимаю я тебя. – Тетушка сделала несколько шагов и опустилась в кресло, стоявшее напротив меня. – Неужели подставляться под пули лучше, чем возить детей, пусть даже сильно избалованных, в школу и различные секции, особенно если платят за то и другое одинаково?

Я запоздало поняла, что тетушка заглянула ко мне вовсе не для того, чтобы уточнить меню. Она все обдумала заранее – каким бы ни был мой ответ, дальнейший разговор был бы перенаправлен именно в это русло. Когда два дня назад тетя Мила по моей просьбе привезла мне в травмпункт чистую одежду, у нее хватило деликатности не причитать по поводу издержек моей профессии. Да, у меня бывают «производственные» травмы, и последняя была не самой тяжелой. Пуля, которая предназначалась моему клиенту, лишь слегка задела мягкую ткань моей руки, хотя крови было много. Я свою миссию выполнила, так что последняя работа принесла мне чувство удовлетворения, а также щедрую премию. Теоретически я могла позволить себе отдохнуть некоторое время. К вящей радости своей заботливой родственницы, я с утра до вечера валялась в постели, развлекаясь просмотром своих любимых старых фильмов. Точнее, это тетя Мила думала, что я соблюдаю строгий постельный режим, и радовалась тому, что я не рвусь снова в бой. На самом деле каждый раз, когда она выходила из дома, я вылезала из своей кровати и занималась физическими упражнениями, чтобы не по-

терять форму. А еще я по несколько раз в день проверяла свою электронную почту и аккаунты в мессенджерах, надеясь увидеть сообщение от очередного клиента. Пока в моих услугах никто не нуждался.

– Женя, ты понимаешь, что это противоречит здравому смыслу? На тебе уже места живого нет, а ты готова вновь и вновь ловить пули, которые предназначены кому-то другому. А если однажды...

– Что-то мне вареников с творогом и изюмом захотелось, – сказала я совершенно невпопад, но тетя Мила приняла мои слова как руководство к действию.

Оставив свою фразу недосказанной, она отправилась на кухню, но вскоре снова вернулась ко мне и виновато произнесла:

– Представляешь, творог закончился. Придется идти в магазин. Потерпишь?

– Конечно, – кивнула я, радуясь в душе, что мой план сработал.

Я знала, что творога нет, поскольку утром сама же его и съела. Стоило тетушке выйти за порог, как я занялась растяжкой. А с завтрашнего дня я была намерена возобновить утренние пробежки.

Завибрировал смартфон, лежавший на краю журнального столика. Я дотянулась до него, не вставая со шпагата.

– Алло!

– Здравствуйте, я могу поговорить с Евгением Охотнико-

вым? – спросил мужской голос.

– Нет, – спокойно ответила я. Мне было не привыкать к тому, что невнимательные клиенты воспринимали мои имя и фамилию как мужские. – Я – Евгения Охотникова, и если вас интересуют услуги телохранителя, то вы можете поговорить со мной.

В нашем разговоре возникла легкая заминка.

– Простите, – наконец произнес потенциальный клиент, – мой референт оставил мне записку с номером вашего телефона, я подумал, что она в родительном падеже. А знаете, так даже лучше! Евгения, вы можете сегодня подъехать ко мне в офис?

– Да, конечно, – не задумываясь, ответила я.

Звонивший оказался генеральным директором строительной компании «Алмаз» – Дмитрием Андреевым. Представившись, он для порядка сказал, где находится его офис, хотя в этом не было особой необходимости. Любой уважающий себя житель Тарасова знал, что трехэтажный особняк в центре города, облицованный со всех сторон стеклом и напоминающий по форме ограненный алмаз, это офис этой строительной компании.

Пообещав быть у Андреева через час, я встала со шпагата и отправилась в ванную. Тетушка вернулась из магазина, когда я принимала душ.

– Женя, представляешь, в ближайшем магазине не оказалось нужного творога! – крикнула она, когда я выключила

воду. – Мне пришлось идти в другой, в тот, что на остановке. Но ты не переживай, я быстро...

Мне было очень неловко разочаровывать тетю Милу, но все-таки пришлось сказать ей, что мне надо отъехать по делам.

– Так что можно не суетиться с варениками, – подытожила я.

– Женя, но ведь ты же еще совсем слаба! Разве ты сможешь работать в полную силу? – Тетя Мила вскинула на меня удивленный взгляд. – Доктор сказал, что тебе как минимум неделю надо соблюдать постельный режим. Впрочем, он просто плохо представлял себе, с кем разговаривает. Тебя, похоже, не остановить...

– Как и тебя, – заметила я, потому что тетушка уже месила тесто.

– Ты ведь вернешься к ужину, – попыталась оправдать она свои действия.

– Ничего не могу обещать.

* * *

Я еще по телефону обратила внимание на то, что у гендиректора строительной компании подозрительно молодой голос. Потом, представляясь мне, он опустил отчество, отрекомендовавшись Дмитрием Андреевым. Все это возбудило мое любопытство – сколько же лет ему на самом деле? Найдя

в интернете его фотографию, я увидела молодого человека лет двадцати восьми. Интересно, и как ему удалось сделать такую головокружительную карьеру? Этот вопрос занимал меня всю дорогу от дома до «Алмаза».

В жизни Андреев выглядел старше, чем я представила себе, но не настолько, чтобы его стремительное продвижение по карьерной лестнице перестало меня удивлять. Далеко не многим и в тридцать пять удастся занять кожаное кресло руководителя крупной компании.

– Евгения, – уже в который раз обратился ко мне Дмитрий, прохаживаясь вдоль одной из стен своего просторного кабинета туда и обратно, но так и не решаясь поведать мне о своих проблемах.

– Да, я внимательно слушаю вас, – сказала я, положив ладони на стол и демонстрируя собеседнику свою открытость.

– Евгения! – Андреев вдруг решительно подошел к столу, отодвинул стул, стоявший напротив меня, сел и, немного подавшись вперед, поведал мне: – У меня много врагов. В этой сфере бизнеса большая конкуренция, понимаете?

– Понимаю, – кивнула я.

– Конкурентная борьба бывает очень жестока, – Андреев произнес это так, будто открыл мне доколумбовскую Америку. Убедившись, что с моей стороны нет никаких возражений, он продолжил: – Больше всего меня беспокоит безопасность моих близких. Это самое уязвимое место. Вы меня понимаете?

– Да, конечно, – поддакнула я с самым серьезным видом.

– Замечательно. – Дмитрий откинулся на спинку высокого стула, перевел дух, после чего продолжил: – Мой сын поступил в колледж в Лондоне, завтра мы с женой и детьми, Ильей и его младшей сестрой Соней, уезжаем в Англию. Проводим сына, поможем ему там адаптироваться, затем слетаем втроем на Мальту. Но вот здесь, в Тарасове, остается моя мама. За ее-то безопасность я как раз очень переживаю. Через нее могут надавить на меня, понимаете?

– Понимаю, – снова кивнула я.

– Так вот, Евгения, – Андреев подался всем корпусом вперед, – если вы согласитесь охранять мою маму, вам придется на время переехать за город. Мы живем на Ново-Пристанском шоссе. Вы готовы к переезду?

– Да, без проблем, – ответила я.

– В доме достаточно прислуги, но именно в доме. Иногда, не очень часто, мама выезжает в город – в поликлинику, в магазин, так вот, вам придется сопровождать ее. У меня есть водитель с функциями охранника. Когда я нахожусь в командировках или частных поездках, он присматривает за моей семьей, но так вышло, что Михаил попросился в отпуск, и я отпустил его, поэтому возникла необходимость в телохранителе.

– Дмитрий, вы можете спокойно отправляться за границу, ваша мама будет под надежной защитой, – заверила я Андреева.

– Это именно то, что я хотел услышать от вас, Евгения. – Хозяин кабинета снова прислонился к спинке стула. Посмотрев на меня как бы издалека, он о чем-то призадумался. После затяжной паузы Андреев продолжил: – Давайте поступим так, вы приедете к нам сегодня к ужину, я вас представлю матушке. Надеюсь, вы с ней поладите.

– Я тоже на это надеюсь.

Дмитрий благосклонно кивнул мне, поднялся со стула для посетителей, обошел длинный стол, сел в свое кожаное кресло и уже с этого уютного местечка стал объяснять мне, где находится его загородный дом.

– Я могу немного задержаться, но домашние будут предупреждены о вашем приезде. Это – аванс, – Андреев положил на стол конверт, после чего уткнулся в какую-то папку, давая мне понять, что разговор на этом закончен.

Взяв конверт, я вышла из кабинета со стойким ощущением, что Дмитрий мне что-то недоговорил. Он очень долго собирался с мыслями, но не изрек ничего экстраординарного. Мне показалось, что Андреев опасался чем-то вспугнуть меня. Может, тем, что приступить к работе нужно уже сегодня? Времени на то, чтобы искать другого телохранителя, у него уже не осталось, уж слишком поздно он спохватился. Вероятно, Дмитрий надеялся на своего водителя, а тот попросился в отпуск, и босс не смог ему отказать. Я не могла расстаться с мыслью, что есть какой-то диссонанс между личностью Андреева и высотой его положения. Он не произвел на меня

впечатления карьериста, который шел по головам. Вероятно, этот бизнес достался ему в наследство. Дмитрий упомянул обо всех членах своей семьи – жене, сыне, дочери, матери, но ни слова не сказал об отце. Раз отца нет, а бизнес есть, то можно предположить, что компания «Алмаз» была создана Андреевым-старшим. От меня не укрылось то, что Дмитрий не нуждался во внешних атрибутах власти, он опустил свое отчество, общался со мной предельно вежливо и не стеснялся проявить свою нерешительность. Впрочем, она могла объясняться сомнением, правильно ли он поступает, приставляя к матери телохранителя. Для нее это прямое указание на то, что существует какая-то угроза.

* * *

– Женя, ты вернулась? – обрадовалась моя тетушка. – Пока ты будешь мыть руки, вареники сварятся.

– Я за своими вещами. На время переезжаю за город.

– Значит, новый контракт? А это ничего, что ты еще как бы на больничном? – для порядка спросила тетя Мила.

– Ничего, там работа не бей лежачего. Пару недель присматривать за пенсионеркой, пока ее сын-бизнесмен ездит с семьей по заграницам. Боюсь, устану от безделья.

– Если все так, как ты говоришь, тогда я за тебя спокойна. Может, все-таки поешь вареники?

– Нет, мне предстоит ужин в благородном доме. Будут

смотрины. Меня представят бабуле, а ее – мне. Хороша я буду за столом с сытым желудком! – усмехнулась я.

– Как знаешь! – Тетушка махнула рукой и отправилась в свою комнату. Уже из нее до меня донеслось: – Устать от безделья... Это – наименьшее из всех зол.

Тетю Милу можно было понять. Несколько лет назад я свалилась на нее как снег на голову, и спокойной размеренной жизни моей родственницы пришел конец. Она переживала за меня всякий раз, когда я была на работе, и мечтала о том, чтобы в моей личной жизни поскорее произошли изменения, которые заставили бы меня сменить нынешнюю профессию, например, вернуться к переводам. Тетушка спала и видела, чтобы я вышла замуж, нарожала детишек, которых она, за неимением собственных детей и внуков, с удовольствием бы нянчила. Я же не спешила что-либо менять в своей жизни, меня все устраивало.

Глава 2

Когда я свернула с Ново-Пристанского шоссе в сторону коттеджного поселка, позади меня снова оказался черный «Genesis», который ехал за моим «Фольксвагеном» от самого города. Он повторял все мои маневры, и, когда остановился около тех же ворот, что и я, мне стало ясно, что я немного опередила своего клиента. Сдав немного в сторону, я предоставила возможность хозяину первому въехать в свои владения. Водитель приоткрыл боковое стекло, высунул руку, щелкнул брелоком, и ворота стали медленно открываться. «Genesis» плавно въехал на приусадебную территорию, я последовала за ним.

Андреевский особняк стоял в глубине парка. За верхушками деревьев была видна только его крыша, отделанная красной металлочерепицей. Дорога вильнула в сторону, и здание на время пропало из виду – высоченные, близко посаженные друг к другу липы закрывали обзор. Стоило сделать еще один поворот, и мы сразу же оказались около коттеджа, но с тыльной стороны. Из бокового окна машины снова высунулась рука с брелоком. Водитель щелкнул им, чтобы привести в движение рольставни гаража. Мигнули фары «Genesis», и я поняла, что мне следует ехать за ним. В гараже уже стояли три машины – внедорожник, кабриолет и спортивный купе. Впрочем, там вполне можно было разместить

автосалон, рассчитанный на добрый десяток машин.

Дмитрий попросил своего водителя отнести мой чемодан в комнату, в которой мне предстояло жить ближайшие две недели. Сам же он провел для меня небольшую экскурсию по первому этажу дома, попутно знакомя меня с прислугой. Для меня не осталось незамеченным, что буквально все: и садовник, и повариха, и домработница, и сторож – отнеслись к моему появлению в этом доме с некоторой иронией, которую они тщательно пытались скрыть от хозяина. Я не поняла, что именно вызвало такую реакцию, но взяла сей факт на заметку. А вот супруга Дмитрия, Алена, которая встретилась нам в гостиной, оформленной, как и весь первый этаж, в стиле лофт, была предельно серьезна. Ей по большому счету было не до меня.

– Митя, очень хорошо, что ты сегодня смог освободиться пораньше. Нам еще столько всего надо успеть! Без тебя нам не справиться.

– Не понял? Вы что, еще не собрались? – удивился Дмитрий. – Чем же вы занимались весь день?

– Много чем. Думаешь, это так легко – все предусмотреть? Одно дело ехать в отпуск, и совсем другое – отправлять ребенка на учебу в другую страну. А вдруг мы что-нибудь забудем? Поскольку ты тоже учился в Лондоне, то тебе лучше нас известно, что может понадобиться Илюше.

– Ничего такого, чего нельзя было бы купить на месте, – отмахнулся было Андреев, но, заметив, что жена закатила

от недовольства глаза, пошел ей навстречу: – Ладно, после ужина я разберусь с этим, а ты, Алена, покажи, пожалуйста, Евгению ее комнату.

– Обещаешь? – Андреева уставилась на мужа так, будто ждала от него клятв вечной любви и верности.

– Конечно, я лично перетрясу Илюшкин чемодан, и...

– Чемоданы, – поправила Алена.

– А вот это зря, – заметил Дмитрий, – достаточно будет одного места багажа. Зачем брать лишние вещи? Большую часть времени наш сын будет ходить в школьной форме. Прошу тебя, удели время Евгению.

– Пойдемте. – Алена повернулась ко мне и дежурно улыбнулась. Я шагнула к лестнице, около которой она стояла. Пока мы шли в гостевую комнату, Андреева продолжила начатую тему: – Я так переживаю за сына! Как он будет один в чужой стране? А вдруг Илюша не сможет ни с кем сдружиться? Женя, вот вы смогли бы отправить своего ребенка учиться в другую страну?

– Смогла бы, – ответила я, ни секунды не раздумывая. Я сама училась в закрытой спецшколе, так называемой «Ворошиловке», и любой лондонский колледж по сравнению с ней – это просто детский санаторий. Алена явно хотела услышать от меня противоположный ответ, и чтобы как-то смягчить ситуацию, я поинтересовалась: – А ваш сын сам что об этом думает?

– Он весь в предвкушении. Ему отцовская идея пришла

по душе. Мне кажется, Илья просто не понимает, что его ждет. Чужая страна, чужой язык...

– А как у него обстоят дела с английским?

– В школе у Илюшки всегда были пятерки, но последний год он занимался еще и с репетитором, чтобы подтянуть разговорный язык.

– Это правильно, школьные программы больше ориентированы на письменную речь. В Англии никто так не говорит, как здесь учат.

– А вы что, были в Англии? – недоверчиво уточнила Алена, и я согласно кивнула. – В турпоездке, наверное?

– В командировке.

– Жаль, что Митя не нанял вас раньше. Вы рассказали бы нам об этой стране. Да, мой муж там учился, но это было уже давно. К тому же мне интересен женский взгляд. – Алена остановилась около двери. – Мы пришли. Это ваша комната.

Я толкнула дверь вперед и, увидев царящую там атмосферу, перевела взгляд на хозяйку, уточнив:

– Мне точно предстоит жить именно здесь?

– Вас смущает, что это – детская?

– Слегка, – сказала я, с удивлением посмотрев через порог на альков и мягкие игрушки, свисающие на веревках с потолка.

Алена зашла в комнату, подождала, когда я последую за ней, затем закрыла дверь и заговорщически произнесла:

– Комната нашей бабушки напротив. Вам наверняка бу-

дет удобней, если вы расположитесь именно здесь. Эта детская уже давно пустует. Сонечка выросла и перебралась в другую комнату. Мы с Митей подумываем о третьем ребенке, поэтому решили сохранить интерьер этой комнаты. Я сама занималась ее дизайном, возможно, потом, если понадобится, я внесу в этот интерьер какие-то коррективы, но пока ничего менять не хочется. В данный момент я работаю над дизайном двух гостевых комнат, пришло время сменить там обстановку. Так что вам, Женя, придется пожить здесь, – с извиняющейся полуулыбкой произнесла Алена.

– Здесь так здесь, – примирительно сказала я и прошла к алькову.

– Вы не переживайте, там кровать-трансформер. Если есть необходимость, ее можно увеличить до взрослой. – Ан-дреева отодвинула свисающие занавески. – Если вы сами с этим не справитесь, то обратитесь к Клавдии, нашей домработнице.

– Мило, – сказала я, увидев постельное белье со сказочным принтом.

Мне доводилось спать на резиновом коврикe под открытым небом, в шалаше на подстилке из соломы, в подвале на старом рваном матрасе, но в детской кровати – такого приключения со мной еще не было.

– Я рада, что вам понравилось. Вы тут обустройтесь, – Алена оглянулась на мой чемодан, стоявший у двери, – и через полчаса спускайтесь в гостиную на ужин.

– Хорошо, – ответила я.

Наконец-то я поняла, чем были вызваны иронические усмешки на лицах прислуги. Это действительно забавно – поселить телохранителя в детской. А если бы бодигардом оказался мужчина, это было бы более чем комично, а точнее, даже унижительно. Осмотревшись, я свыклась с мимимишным антуражем и пришла к выводу, что все не так уж и плохо, тем более эта комната для маленькой принцессы была со всеми удобствами. Открыв дверь в ванную, я заглянула туда. Похоже, у Алены не хватило фантазии и ее отделать в том же духе, она ограничилась лишь аксессуарами. За шторой с нарисованной мультяшной русалочкой была обыкновенная акриловая ванна, вполне подходящая для взрослого человека, а в банное полотенце с рыбками я могла бы даже укутаться.

Разобрав чемодан, я переделалась и отправилась в гостиную ужинать, а точнее, знакомиться с семейством Андреевых. За столом в сборе были все, кроме самой бабули. Илья поприветствовал меня на английском языке, а затем спросил на отрывистом йоркширском диалекте, понравился ли мне этот дом и знаю ли я, какие приключения меня здесь ждут. Подросток смотрел на меня хитроватым взглядом. Вероятно, он решил проверить, смогу ли я понять его, а главное – ответить ему. Нашел кого экзаменовать! Я свободно не только говорила, но и думала почти на всех европейских языках. Нас этому учили в Ворошиловке, а потом я закрепила теорию на практике, общаясь с носителями многих иностран-

ных языков, в том числе и английского.

Я поблагодарила Илью за проявленный интерес. Отвечать на его вопросы не было смысла, ни в Англии, ни в других европейских странах никто не пускается в подобных случаях в пространные разглагольствования. Это только в России на вопрос о том, как дела, можно услышать подробный отчет за весь период, прошедший со времени последней встречи. А если люди только познакомились, то запросто могут выложить друг другу полную биографию. Сейчас был не тот случай. Дабы обменяться любезностями, я спросила подростка о его настроении перед началом нового жизненного этапа. Илья обескураженно почесал висок. Похоже, репетитор обошел эту лексику стороной.

– Бабуля! – радостно крикнул подросток, и все семейство обратило свои взгляды на лестницу.

По ней неспешно спускалась женщина в седом парике. По мере приближения я смогла разглядеть ее лицо – она выглядела лет на 55–57. Но весь ее облик был пронизан какой-то старомодностью, будто она выплыла из семидесятых годов прошлого века. На Елизавете Константиновне были широкие черные брюки, волочащиеся по полу, и длинная трикотажная блуза мышинного цвета с воротником-стойкой. Именно так одевались героини французских фильмов той эпохи.

– Бабулечка, какая ты сегодня... – Сонечка замешкалась, подбирая нужное слово.

– Красивая, – нашелся Дмитрий.

Бабушка подошла к столу, поцеловала внучку в темечко и села на свободный стул рядом с ней.

– А чего это вы ничего не едите? – поинтересовалась Андреева-старшая. – Неужели меня ждали? Я могла бы еще задержаться, если бы стала досматривать сериал. Но представляете, проголодалась. Итак, что у нас сегодня на ужин?

– Ростбиф, – сказала Алена и подмигнула мужу.

– Мама, я хочу тебя кое с кем познакомить.

– С кем? – спросила Елизавета Константиновна, глядя на сына, а не на меня.

– Мама, это, – Дмитрий сделал жест рукой в мою сторону, – Евгения. В наше отсутствие она будет заниматься вопросами безопасности.

Бабуля мельком взглянула на меня и с беспечным равнодушием произнесла:

– Пусть занимается, если ты, Митя, считаешь, что это так необходимо.

За столом возникла немая пауза. Мне показалось, что Дмитрий с Аленой ожидали другой реакции, но ее не последовало, они с облегчением выдохнули и принялись за ростбиф, типичное блюдо английской кухни. У Сонечки было другое меню, перед ней стояла тарелка с молочной гречневой кашей. Она ковырялась в ней без всякого удовольствия. Илья отрезал кусок запеченной на решетке говядины, отправил его вилкой в рот и, не успев пережевать, стал что-то говорить на английском. Делал он это отрывисто, с короткими

гласными и глотанием «h» в начале слов. Я с трудом разобрала, что это был ответ на мой вопрос. С тем же йоркширским акцентом, усугубляемым наличием пищи во рту, подросток говорил, что настроение у него хорошее, поскольку к новому этапу в своей жизни он готовился давно, и он точно знает, что все будет хорошо.

– А теперь на русском, пожалуйста, – попросила бабуля.

– Пусть она, – Илья кивнул в мою сторону, – переведет.

Все с интересом уставились на меня, разве что Елизавета Константиновна явила полное равнодушие к тому, справлюсь ли я с переводом.

– Как жаль, что мы не нашли вас раньше, – посетовала Алена, когда я закончила переводить. – Вы бы еще лучше подтянули Илюшу. Между нами говоря, репетитор, с которым наш сын занимался, в последние месяцы халтурил. Он дал ему все, что мог, за полгода, а затем только занимался повторением.

– Илья, – обратилась к внуку Елизавета Константиновна, – у тебя еще есть шанс отказаться от учебы за границей. Если ты хочешь остаться здесь, скажи, я тебя поддержу.

– Нет, ба, – мотнул головой подросток. – Я не хочу оставаться здесь, точнее, я хочу учиться в Лондоне.

– Я должна была спросить тебя об этом перед лицом всей нашей семьи. Раз ты, Илья, утверждаешь, что хочешь учиться в Англии, я спокойна за тебя.

Все последующие разговоры так или иначе сводились к

завтрашнему отъезду Андреевых. Насколько я поняла, им предстояло покинуть дом еще затемно, чтобы успеть на шестичасовой авиарейс до Москвы.

После ужина, когда мы с Дмитрием остались в гостиной вдвоем, он сказал мне, что я очень понравилась его матери. С чего Андреев это взял, я так и не поняла. Женщина, которую мне предстояло охранять, в упор меня не замечала. Вероятно, она даже не подозревала о происках конкурентов ее сына, и появление в доме телохранителя было для нее чем-то вроде покупки новой мебели. Может, так даже лучше? Зачем пугать женщину какими-то смутными угрозами? Пусть думает, что сын просто перестраховывается.

– Однако мне надо заняться сборами. – Дмитрий направился к лестнице. Оглянувшись, он добавил: – Евгения, я вас очень прошу, берегите мою маму! Глаз с нее не сводите. Следуйте за ней по пятам, даже если она будет уверять вас, что никакой угрозы нет. Мама слишком далека от бизнеса, чтобы понять, насколько все серьезно. Вы можете, если возникнет необходимость, воспользоваться любой из машин в гараже, страховки ОСАГО у всех без ограничений. Весь персонал предупрежден о том, что должен вас слушаться. Мама может капризничать и даже пытаться вас расчитать, но...

– Дмитрий, не беспокойтесь, мне хоть и предстоит охранять вашу маму, но работаю я на вас, поэтому буду выполнять именно ваши указания, – заверила я своего клиента.

– Это вы правильно подметили – работаете вы на меня. Не

забывайте об этом! – Андреев стал подниматься по лестнице, переступая сразу через две ступеньки.

Я вышла на свежий воздух, чтобы осмотреть территорию. Пока в доме было полно народу, Елизавете Константиновне, скорее всего, ничего не угрожало. Завтра ее сын, сноха и внуки уедут, и я стану ее тенью. Прогуливаясь по парку, я подмечала все уязвимые места. Особенно мне не понравились заросли кустарника с северной стороны и пруд, заросший ряской, с восточной. Этот водоем служил естественной преградой, никакого забора справа от коттеджа не было. Я подняла с земли сухую корягу и бросила ее в пруд, она приземлилась на зеленую поверхность и за считанные секунды ушла под воду, хотя дерево не должно тонуть. Похоже, ветку засосало в омут. И как только Андреевы не боятся жить здесь с детьми? За ними глаз да глаз нужен.

Вдоволь нагулявшись, я вернулась в дом, в котором была невообразимая суматоха. Прислушавшись к разговорам, я поняла, что Дмитрий раскритиковал содержимое чемоданов, и Андреевы начали собирать их заново, таская нужные вещи из самых разных комнат. Кто-то постучался в детскую.

– Да-да! – крикнула я.

– Извините, – на пороге появилась шестилетняя Сонечка, из-за спины которой торчала розовая голова с хоботом. – Мне надо поменять игрушку. Вы позволите?

– Да, конечно, – кивнула я ей.

Соня поменяла большого плюшевого слона на маленького

мишку Тедди, которого отыскала в комодке. Уходя, она не по-детски серьезно сказала:

– Извините, что потревожила вас.

– Пустяки! Заходи, если еще что-то потребуется.

– Благодарю, но папа сказал, что больше ничего взять нельзя. – Девочка задержалась у двери, будто хотела мне что-то сказать, но не успела, потому что за ней пришла мама.

– Евгения, вы извините, что побеспокоили вас. Я, собственно, пришла попрощаться. Мы уезжаем очень рано, вы будете еще спать.

Я пожелала Алене и Сонечке счастливого пути, и они ушли. Часам к десяти суматоха закончилась, в доме воцарилась тишина. Приняв душ, я легла в кровать, закрытую полупрозрачным пологом, но сон не шел. Поворачиваясь с бока на бок, я случайно задела рукой ночник, висевший на стене, и по комнате поплыли облака. Это подействовало на меня умиротворяюще, глаза стали слипаться, и я провалилась в сон.

Глава 3

Проснулась я от топота в коридоре. Казалось, что мимо моей комнаты прошел целый табун. Выглянув в коридор, я увидела, что к лестнице приближается процессия из пяти человек. Водитель Андреева нес две дорожные сумки, у Дмитрия на руках была спящая Сонечка, Алена везла чемодан на колесиках, позади всех шел Илья с рюкзаком за плечами. Он оглянулся и помахал рукой то ли мне, то ли бабушке, которая тоже выглянула из своей комнаты на несколько секунд позже меня. Я поздоровалась с Елизаветой Константиновной. Она кивнула мне, поправляя одной рукой шаль, брошенную на плечи поверх длинной ночной сорочки, а второй – совершенно нелепый колпак, торчащий на голове.

– Еще можно поспать несколько часов, – смачно зевнув, произнесла бабуля и скрылась за своей дверью.

Ходики на стене показывали, что сейчас была половина пятого. Я вернулась в кровать и уже сознательно включила ночник. По потолку снова побежали облака, но сон не шел. В голову полезли воспоминания о моем детстве, которое совсем не было похоже на детство Сонечки, в чьей кровати я сейчас лежала. Мой отец был военным, он со мной никогда не сюсюкался и рубил на корню все мамины попытки создания оранжерейной атмосферы в доме, поскольку сам был приверженцем спартанского воспитания. Мама, пока была

жива, в отсутствие отца завивала мне волосы на поролоновые бигуди, чтобы сделать красивые локоны, просила примерить платьишки с кружевами и оборками, которые она покупала тайком и в которых я никогда не выходила из дома. Перед тем как отцу прийти со службы, локоны затягивались в тугую косу, а платья убирались обратно в шкаф. Папа разговаривал со мной командным тоном, уверенный в том, что мне нравятся и почти что казарменные условия, в которые он меня загнал, и наши с ним взаимоотношения, не выходящие за рамки «командир – боец».

Я вдруг поняла, что облака уже не бегут по потолку. Похоже, ночник был запрограммирован на какой-то небольшой временной отрезок, минут на пятнадцать. Вечером этого времени мне с лихвой хватило для того, чтобы заснуть, сейчас этот убаюкивающий трюк не сработал. «А может, уже и не стоит засыпать?» – подумала я и благополучно провалилась в сон, который был прерывистым и недолгим.

* * *

Спустившись на первый этаж, я обратила внимание, что стол в гостиной накрыт на две персоны.

– Доброе утро! – поприветствовала меня повариха Надя, миловидная женщина лет тридцати пяти. – Вы присаживайтесь! Сейчас хозяйка спустится, и я принесу чай. Или вы кофе предпочитаете?

– Кофе, – подтвердила я.

– Хорошо.

Я села за стол, вскоре Надя принесла поднос с горячими напитками.

– Мне вчера сказали, что завтрак у вас в девять.

– Так и есть, – подтвердила повариха. – Это – второй завтрак, для тех, кто никуда не спешит. А тем, кому надо на работу, в школу или садик, я в половине восьмого стол накрываю. Но сейчас все уехали, только Лизавета осталась да вы.

– Сейчас уже четверть десятого, а Елизавета Константиновна все не спускается, – заметила я.

– Не выпалась, наверное. Да вы ешьте. – Надежда придвинула ко мне тарелку с творожной запеканкой. – Ждать Лизавету вовсе не обязательно, она часто пропускает завтрак.

– Ладно. – Я сделала глоток кофе.

Позавтракала я в одиночестве, потому что бабуля так и не спустилась в столовую. Поднявшись на второй этаж, я подошла к двери в ее комнату, приложила ухо к косяку и прислушалась – было подозрительно тихо. Я приоткрыла дверь, и первое, что мне бросилось в глаза, так это убранная постель. Значит, Елизавета Константиновна уже поднялась и сейчас была в ванной. Я зашла к себе, но оставила дверь приоткрытой, чтобы видеть, когда бабушка выйдет из своей комнаты. Но она все не выходила. Устав сидеть в мягкой груше, которая служила здесь креслом, и непрерывно смотреть на дверь,

я решила снова заглянуть в комнату напротив. Там ничего не изменилось. Я позволила себе зайти и заглянуть в ванную – в ней никого не было. Похоже, мы с Елизаветой Константиновной где-то разминулись. Я спустилась в столовую, но там тоже никого не было. На столе стояла только ваза с фруктами.

– Надя, а что, хозяйка уже позавтракала? – поинтересовалась я, заглянув на кухню. Женщина кивнула, подтверждая это. – И где она сейчас?

Повариха пожала плечами, но я продолжала стоять в дверях и смотреть на то, как она ест запеканку. Прожевав, Надя сказала:

– Гуляет по парку, наверное. Что ей еще делать-то?

Я отправилась искать Лизавету. Увидев садовника Степана, высокого подтянутого мужчину лет шестидесяти, поливающего газон, я подошла к нему.

– Доброе утро! Вы Елизавету Константиновну сегодня видели? – поинтересовалась я.

– Видел, – кивнул он.

– Не подскажете, куда она пошла?

– Туда, – садовник махнул рукой за коттедж.

Пройдясь по гаревой дорожке, петляющей между липами, я обошла дом с левой стороны и увидела беседку, обвитую шиповником. Это было хорошее местечко, чтобы побыть в одиночестве, зарядиться позитивной энергией, вдыхая аромат цветущей дикой розы, слушая щебетанье птиц и любясь

рутарием, разбитым напротив входа в беседку. Увы, в ней Андреевой-старшей не оказалось. Ее не было ни на качающейся скамейке, с которой открывался обзор на пруд, ни в теплице, в которой росли овощи. Решив, что мы снова разминулись с Лизаветой, я вернулась к коттеджу. На крыльце мне встретила домработница, полноватая темноволосая женщина лет пятидесяти пяти, и я поинтересовалась у нее, не видела ли она сегодня хозяйку. Та сделала какой-то неопределенный жест рукой и стала скатывать дорожку, постеленную на крыльце.

– Отдам в химчистку, – сказала Клавдия, будто меня интересовало, зачем она это делает.

– Простите, так вы видели Лизавету? – уточнила я.

– Да здесь она где-то, – пробурчала прислуга, не поднимая на меня глаз.

– Странно, мне все говорят, что ее видели, а я не могу никак с ней пересечься.

– А она что, вам так быстро нужна? – удивилась домработница, хотя вчера Дмитрий, представляя меня ей, так и сказал, что я – телохранитель его мамы.

«Хороша телохранительница, потеряла объект в первый же день», – мысленно ругая себя, я поднялась на второй этаж и постучалась в дверь Лизаветы. Она не ответила, и я распахнула ее – за последний час там не произошло никаких изменений. Достав из кармана смартфон, я набрала номер, который мне дал вчера Андреев. Звонок раздался в непосред-

ственной близости от меня. Оказалось, что мобильник Лизаветы лежал недалеко от входа, на полке под зеркалом. Я не заметила его сразу лишь потому, что он был накрыт тем самым смешным ночным колпаком, в котором бабуля выглядывала ночью в коридор, провожая взглядом свое семейство.

У меня возникла мысль, что старушенция решила поиздеваться надо мной, чтобы работа здесь не казалась мне отдыхом в пансионате. Мне стоило еще вчера догадаться, что реакция Лизаветы на мое появление в доме обманчива. Супругов Андреевых явно удивила ее покладистость. Наставление Дмитрия о том, чтобы я ни на шаг не отпускала его маму и не сводила с нее глаз, показалось мне лишь дежурной фразой, а зря. Похоже, он знал, что его матушка может начать играть со мной в прятки.

«Что ж, раз, два, три, четыре, пять, Лиза, я иду тебя искать», – мысленно проговорив про себя эту считалочку, я направилась вперед по коридору, заглядывая во все комнаты, пока не наткнулась на запертую.

– Елизавета Константиновна! – достаточно громко произнесла я. – Я знаю, что вы здесь. Откройте, пожалуйста! Мне надо обсудить с вами кое-что важное. Для вас важное.

Закончив говорить, я прильнула ухом к двери – ни единого звука. А вот с улицы через открытый угловой балкон стал доноситься какой-то шум. Я бросилась туда и услышала причитания Клавдии:

– Да что же это такое? Да как же это так? Не уберегли...

Маменька родная...

Перегнувшись через парапет, я увидела домработницу и повариху. Обе были напуганы до смерти.

– Что случилось? – крикнула я сверху.

Женщины подняли головы. Клавдия всю заливалась слезами и была не в состоянии что-либо ответить.

– Там, – Надежда указала мне рукой в глубину парка. – Клава нашла... Умирает...

Недолго думая, я перелезла через парапет балкона, прыгнула сначала на крышу круговой веранды, а затем на землю и помчалась туда, куда указала повариха. Уже издалека я заметила незнакомца, склонившегося над чьим-то телом. Подбежав ближе, я спросила:

– Что происходит? Кто вы такой?

– Я сторож, а ты кто такая? – строго осведомился мужчина лет пятидесяти.

– Телохранитель. – Я склонилась над пожилым садовником, лежащим на газоне. – Что это с ним?

– Да, мне сменщик говорил про вас, – несуетливо произнес сторож. – А у Степана, похоже, инфаркт. Он ведь сердечник, все время валидол сосет. Я уже «Скорую» вызвал.

Садовник еле дышал. Судя по опухшим губам, у него был сильный отек гортани. Я повернула его голову набок и заметила красные пятна, проступившие на шее.

«Похоже на аллергическую реакцию», – пронеслось в моей голове, и я стала расстегивать сдавливающий его шею во-

рот. Расстегнув несколько пуговиц, я обнаружила под левой ключицей раздувшуюся красную шишку, из которой торчало осиное жало.

– Так и есть, анафилактический шок, – сказала я, пытаюсь подцепить ногтями жало.

– Чего? – не понял сторож.

– Аллергическая реакция на укус осы. В доме есть аптечка с лекарствами?

– Я уже дал ему валидол. «Скорая» едет.

– Какой валидол? Ему антигистаминный препарат нужен. Живо несите лекарства! – прикрикнула я на сторожа.

– Я принесу, – сказала подошедшая Надя.

– Приподнимите ему ноги! – скомандовала я, сторож медленно, но все же повиновался мне.

Дыхание Степана стало поверхностным, а пульс нитевидным. В моей голове пронеслось: «Еще несколько минут, а то и секунд, и лекарства будут ему без надобности». Мне было известно, что люди по-разному реагируют на укусы перепончатокрылых. Для кого-то – это сущий пустяк, а для кого-то осиный яд – мощнейший аллерген, который приводит к параличу дыхательных путей. Смерть может наступить в течение пятнадцати минут. Когда я разговаривала со Степаном, а это было примерно полчаса назад, он был в добром здравии. Скорее всего, оса ужалила его уже после того, как мы пообщались. Раз реакция развилась так быстро, значит, организм садовника не в состоянии был бороться с ядом, «Ско-

рая», которая ехала из города, могла не успеть его спасти. Из-за спазма гортани Степан практически не мог дышать самостоятельно, о чем свидетельствовали хрипы, вылетающие из его горла. По-хорошему Степану нужно было срочно ввести адреналин, но вряд ли он был в домашней аптечке Андреевых. Надя убежала за ней и пропала. Клавдия рыдала во весь голос, мешая мне соображать. Счет шел на секунды.

– Может, ему искусственное дыхание сделать? – робко предложил сторож, с испугом глядя на садовника, лицо которого неестественно распухло от отека.

– Бесполезно.

Я вдруг вспомнила о болевой точке, которую следует нажимать, если других способов реанимировать человека больше нет, и надавила подушечкой безымянного пальца под его переносицей. Почему-то нажимать на нее надо именно этим пальцем. Я отпускала и снова давила на болевую точку, пока не почувствовала, что дыхание Степана стало восстанавливаться.

Прибежала Надя и протянула мне пластиковый контейнер.

– Ищите какой-нибудь антигистаминный препарат. – Я стала перечислять их.

– Есть такой. – Повариха показала мне упаковку банального супрастина.

– Воду принесли? – спросила я, хотя уже поняла, что в смятении Надежда забыла о воде. – Шланг! – крикнула я, и

сторож поднял его с земли.

Я высыпала в рот Степану раздробленную таблетку супрастина, а затем, сделав самый маленький напор, налила в свою ладошку немного воды и по капелькам стала вливать ее в рот больного. Отек стал спадать у нас на глазах. Дыхание полностью восстановилось, садовник, опираясь на мою руку, поднялся на ноги, склонил голову передо мной в знак благодарности, а затем обвел взглядом всю прислугу, которая смотрела на него, как на восставшего из пепла, и заговорил:

– Надеюсь, вы согласитесь со мной, что мы просто обязаны сказать Жене правду?

Женщины молчали. Сторож уточнил:

– Какую правду?

– Правду про Лизавету, – произнес Степан, сверля глазами Клавдию.

– А что я? Мне сказали, я и молчала.

– И я тоже. Мне эту работу терять не хочется, – проговорила Надя, избегая моего взгляда.

– Послушайте, – продолжил садовник. – Со мной такое уже второй раз в жизни. Один раз в армии оса укусила, медсестричка меня спасла, а второй раз вот сейчас. Витек, я тебе из последних сил говорил: димедрол, а ты мне валидол стал в рот совать.

– Да откуда ж я знал?

– Так вот, я считаю своим долгом сказать Жене, которая спасла мне жизнь, что Лизаветы здесь нет. Пусть меня уволь-

няют!

– А где она? – поинтересовалась я.

– Да чего уж там! – махнула рукой Клавдия. – Хозяйка нас всех еще с вечера предупредила, что рано утром уедет по делам в город и чтобы мы вам, Евгения, ничего об этом не говорили.

– Даже больше, – продолжила Надя, – чтобы водили вас за нос, говоря, что она здесь. Только вы на нас зла не держите, Лизавета, она ведь наша хозяйка. Мы ее слушаться должны.

– Понимаю. Раз уж все открылось, скажите мне, когда она уехала, куда и на чем?

– Она еще с вечера Кирилла попросила за ней в восемь утра приехать.

– А Кирилл – это кто? – не могла не поинтересоваться я.

– Это бывший водитель Алены. Она его наняла, когда ее прав лишили. Он три года ее возил, а потом она снова получила права и хотела его рассчитать, как вдруг выяснилось, что он учитель английского и даже жил в Англии.

– Ясно, кто-нибудь знает, какие планы у Лизаветы на сегодняшний день?

– Да кто мы такие, чтобы она перед нами отчитывалась? – фыркнула Клавдия.

– Ладно, скажите хотя бы, на какой машине она уехала?

– Кирилл на своей собственной приехал, – садовник назвал мне ее марку и номер.

Раздался вой сирены, возвестивший о приезде «неотлож-

ки».

– Пойдем, Степан, это за тобой. – Сторож подхватил садовника под руку.

– Скажи им, что все обошлось, – попытался освободиться тот.

– Вам обязательно надо показаться медикам, – заметила я.

– Мы его отведем! – сказала Клавдия и взяла Степана под левую руку, а Надежда подхватила его под правую.

Если вся прислуга направилась к воротам, то я – к дому, набирая на ходу номер своего знакомого сотрудника полиции.

– Тимур, здравствуй!

– Женя, ты? – спросил он вместо приветствия.

– Я. Ты можешь быстренько отследить местонахождение «Рено Логан»? – Я назвала номерной знак.

– Для этого мне надо хоть приблизительно знать, в какую из камер и в какое время эта машина могла попасть.

– Думаю, она въехала в город со стороны Ново-Пристанского шоссе в районе восьми – восьми тридцати.

– Ладно, Женя, для тебя сделаю, – согласился Тимур.

Вскоре мой приятель перезвонил мне и сказал, что интересующий меня «Рено Логан» с большой долей вероятности находится во Втором Казачьем переулке.

– Но ты в этом не уверен? – спросила я, усаживаясь за руль своего «Фольксвагена».

– Понимаешь, он засветился сорок минут назад на пере-

крестке Селекционная – Казачий – свернул в переулок. Выехать оттуда можно только с той же стороны, поскольку со стороны Советской ведутся ремонтные работы.

– Спасибо, Тимур! Ты можешь держать этот вопрос на контроле? Я выдвигаюсь туда, но могу не успеть.

– Хорошо, проинформирую, если он снова попадет в какую-нибудь камеру. – Тимур отключился.

Глава 4

За квартал до обозначенного перекрестка, остановившись на красный сигнал светофора, я проверила смартфон. Тимур не звонил мне, значит, «Рено», на котором Лизавета уехала из дома, по-прежнему находился в Казачьем переулке. Только я не слишком обольщалась, что Андреева именно там. Вполне возможно, Кирилл отвез куда-то бабулю и поехал по своим делам или даже вернулся домой.

Минут через пять я зарулила в Казачий переулок и, снизив скорость до минимума, стала присматриваться ко всем припаркованным там машинам. Напротив пиццерии стоял «Логан» с интересующими меня номерами. Мне пришлось проехать до соседнего здания, потому что ближе свободных мест не было. Водитель «Рено» оказался на месте, он дремал, откинувшись на подголовник. Больше никого в салоне не было. Возможно, Кирилл ждал Лизавету, которая сейчас находилась в пиццерии. Я заглянула туда. Посетителей в этот утренний час было немного. Обведя взглядом все столики, я не нашла Андрееву, но это не означало, что ее здесь не было. Я не исключала, что она увидела меня в окно и спряталась.

– Эй, вы куда? – крикнул мне официант, когда я зашла за барную стойку и направилась в пекарню.

Путь мне преградил мужчина в поварском пиджаке, и я оказалась между двумя работниками пиццерии.

– Так, либо вы говорите, куда делась женщина лет пятидесяти пяти, либо ваша забегаловка будет закрыта на время проведения следственных действий, – сказала я, напустив на себя важности.

– Сегодня таких посетителей не было, – покачал головой гарсон.

– Решили поиграть в молчанку? Хорошо, значит, второй вариант, будем закрываться. – Я достала из сумки смартфон.

– Правда не было, мы полчаса как открылись. А до этого только по заявкам пиццу развозили.

Судя по честным глазам молодого официанта, он говорил правду. Для порядка заглянув через плечо пекаря на кухню, я удостоверилась, что там нет посторонних, и вышла на улицу. Кирилл по-прежнему спал в машине. Прежде чем его побеспокоить своими вопросами, я решила пробежаться по всем магазинам и офисам, находящимся в цоколе здания, около которого был припаркован «Рено». Я открывала дверь за дверью, не особо присматриваясь к вывескам над ними.

– Добрый день! – поприветствовала меня девушка из-за стойки ресепшена. – Желаете сделать татуировку?

– Еще не решила, – ответила я, оглядываясь по сторонам. Через приоткрытую дверь мне было видно со спины клиентку этого тату-салона. Мое внимание привлекли ее ярко-зеленые волосы.

– Может быть, вам показать портфолио наших мастеров? – поинтересовалась администратор.

Я все еще не могла оторвать взгляда от волос цвета сочной английской лужайки. Их обладательница, вероятно, почувствовала, что на нее смотрят, и оглянулась. Последний раз я была столь же удивлена, когда на тренировочных стрельбах мне сказали, что я не выбила ни одного очка. Тогда оказалось, что мою мишень перепутали с мишенью новичка. Теперь оказалось, что женщиной с зелеными волосами была Лизавета. Она тоже узнала меня, но ничуть не смутилась, даже усмехнулась чему-то.

Администраторша разложила передо мной альбомы с фотографиями. Я уселась на диванчик и стала листать их, ожидая Андрееву. Она освободилась минут через десять, вышла в холл и как ни в чем не бывало сказала:

– Женья? Не ожидала вас здесь увидеть. Решили набить тауировку? Тогда рекомендую Феликса, лучше мастера я еще не встречала.

Лизавета, одетая в джинсы и салатовую блузку без рукавов, определенно знала, о чем говорила. Обе ее руки были расписаны от плеч и до запястий. Я попыталась мысленно продолжить вчерашнюю Сонечкину фразу: «Бабуля, какая ты сегодня... закрытая, обыкновенная». Похоже, это для меня Елизавета Константиновна облачилась в седой парик и одежду, максимально закрывающую ее тело, родственники и прислуга видели ее во всей красе. Все разом встало на свои места. Я смотрела на эти дряблые руки в разноцветных таушках, на зеленые волосы, обрамляющие морщинистое ли-

цо, и понимала, отчего был так нерешителен Дмитрий, нанимая меня на работу, и почему прислуга ухмылялась, когда он представлял меня телохранителем своей мамы. В семье не без уроды, это определено про Андреевых.

Положив на стойку ресепшена альбомы, я сказала администраторше, что зайду в другой раз, открыла дверь и выпустила на улицу Лизавету, потом вышла сама.

– Ну и кто меня сдал? – осведомилась она, остановившись на крыльце тату-салона «Живая кожа».

– Никто, я нашла вас с помощью технических средств, – попыталась я прикрыть садовника.

– А зачем искала? – тут же поинтересовалась Андреева.

– Вы же знаете, что ваш сын нанял меня для того, чтобы охранять вас.

– Да кому я нужна! – беспечно отмахнулась Елизавета Константиновна. – Это мой сын – бизнесмен! А я – простая пенсионерка, до которой никому нет дела.

– А если вы ошибаетесь? – возразила я.

– Значит, так, Женек, – от этого фамильярного обращения меня всю передернуло, – давай с тобой договоримся. Ты исправно делаешь вид перед нашей челядью, что охраняешь меня, а на самом деле занимаешься своими делами. Тебе ведь наверняка есть чем заняться – шопинг, тренажерный зал, мужчины... Вечером мы с тобой созваниваемся и вместе возвращаемся домой. Завтра опять вместе уезжаем, занимаемся своими делами и опять вместе возвращаемся. Как

тебе такой расклад?

– Не пойдет, – ответила я, ни секунды не раздумывая над этим, в сущности, заманчивым предложением.

– Это почему же?

– Во-первых, мы не сможем с вами созвониться, потому что вы оставили мобильник на полке под зеркалом, – говоря об этом, я хотела дать Лизавете понять, что не доверяю ее словам. Женщина засунула татуированную руку в сумку и вынула из нее точную копию того аппарата, который остался дома. – А во-вторых, я работаю не на вас, Елизавета Константиновна, а на вашего сына, поэтому должна выполнять именно его указания.

– О времена, о нравы! – процитировав классика, бабуля положила обратно в сумку мобильник, вынула кошелек и не без укора произнесла: – Женек, а ведь ты не показалась мне поначалу меркантильной! Ладно, говори, сколько ты хочешь получить за то, чтобы не мешать мне наслаждаться свободой!

– Елизавета Константиновна, я не возьму у вас денег.

– Почему?

– Потому что я все равно буду вас охранять.

– Ладно Митя, с ним все ясно, но ты объясни мне, зачем тебе это нужно? Я предлагаю тебе прекрасный вариант – ты и деньги из двух мест получишь, и делать ничего не будешь. Но тебя он почему-то не устраивает. Или ты торгуешься со мной?

– Нет, я просто выполняю свою работу. Ваше предложение, конечно, заманчивое, но оно идет вразрез с моими принципами.

– Какими? – допытывалась Лизавета.

– Я не хочу уронить свою репутацию, так понятнее?

– Не очень.

– Прошу прощения, – к нам подошел Кирилл, – Лизавета Константиновна, мы дальше едем? Если да, то давайте поторопимся, мне, как я уже говорил, к часу надо освободиться.

– Женек, ты на машине? – игриво поинтересовалась бабуля с татуировками.

– Конечно.

– Тогда ты, Кирюха, можешь быть свободен. Я дальше с ней поеду! – Андреева ткнула мне в живот указательным пальцем, на котором красовался перстень с огромным черным камнем.

Водитель «Рено» продолжал топтаться на месте, Лизавета открыла кошелек и протянула ему несколько крупных купюр.

– Благодарствуйте! – Кирилл поклонился женщине с зелеными волосами, щедро оплатившей его услугу, и пошел к своей машине.

– А где твоя тачка? – поинтересовалась экстравагантная матушка моего клиента.

– Там! – показав направление кивком, я подождала, когда Лизавета тронется с места, и пошла чуть поодаль от нее. Ме-

ня не покидало чувство, что она попробует сбежать по дороге. Андреева несколько раз оглядывалась на меня, будто пыталась поймать момент, когда я отстану от нее или отвлекусь на что-то или кого-то. – Пришли! Вот мой «Фольксваген».

Обосновавшись в кресле переднего пассажира, Лизавета стала любоваться своей новой татуировкой.

– Нравится? – спросила она, вытягивая в мою сторону руку.

У меня не было никакой охоты рассматривать, что именно ей сегодня накололи.

– Я равнодушна к этому виду искусства, – с этими словами я тронулась с места.

– Хорошо, что ты, Женек, хоть понимаешь, что это – искусство!

– Если вас не затруднит, называйте меня Евгенией или Женей, – попросила я.

– Ладно, Женек! – кивнула Лизавета и тут же поправилась: – Женя. Бьюсь об заклад, что твой отец ждал сына, а поскольку родилась девочка, тебе дали мужское имя.

– Почему же мужское? Я – Евгения. Хотя кое в чем вы не ошиблись. Мой отец действительно мечтал о сыне. Куда едем?

– В торговый центр «Триумф-Плаза». Женя, ты любишь шопинг?

– Я хожу за покупками, когда мне надо приобрести что-то конкретное. Я бываю довольна, если удастся сразу же ку-

пить что-то подходящее, а если приходится тратить на поиск нужной вещи полдня или даже больше, то мне бывает жаль потерянного времени.

– Для тебя полдня – это много? – искренне удивилась моя пассажирка. – Я днями могу гулять по торговым центрам. Полдня! Знаешь, сколько времени я искала эту краску для волос?

– Неделю? – сказала я первое, что мне пришло в голову.

– Если бы, – снисходительно усмехнулась Лизавета. – Два месяца. И я бы продолжала ее искать, если бы мне Илюшка не помог.

– Дал ссылку на интернет-магазин?

– А как ты догадалась? – Андреева-старшая посмотрела на меня с уважением.

– Это не так уж сложно.

– Такой краски здесь не найти, она из коллекции, которую выпускает одна американская рок-певица. Хайли Вильямс, знаешь такую?

– Слышала, – кивнула я.

По дороге в торговый центр мы болтали с Лизаветой о каких-то пустяках, как будто были подружками. Точнее, она вела себя со мной на равных, а мне все равно приходилось обращаться к ней на «вы» и не забывать отслеживать машины позади нас, чтобы удостовериться, что за нами нет «хвоста». Его не было.

Я даже не подозревала, какое это испытание – ходить с

Елизаветой Константиновной по торговому центру. На нее все обращали внимание – беззастенчиво пялились, тыкали пальцем, выглядывали из стеклянных дверей бутиков и свешивались с эскалатора. Лизавета была в восторге, что производит такой фурор, и, кажется, не понимала, что только единицам из тех, кому она бросилась в глаза, таким же неформалам с татуировками на открытых частях тела, пирсингом на лице и ирокезом на голове, ее облик пришелся по душе. Остальные про себя или даже вслух потешались над ней. Когда Лизавета зашла в примерочную, две девушки, поджидające кого-то у соседней ширмы, принялись откровенно обсуждать мою подопечную:

– Видала эту старушенцию с зелеными волосами?

– Да уж, такую не заметить трудно. Она, вероятно, сбежала из... – Девушка замолчала, наткнувшись на мой холодный взгляд. Немного помолчав, она нарочито громко добавила: – Салона красоты, не дождавшись укладки. Еще бы, такую красоту хочется скорее показать людям.

Девчонки прыснули от смеха. Работница магазина, выдающая покупателям номерки, тоже не смогла сдержать улыбку.

– Это вы про кого? – из примерочной выглянула третья подружка. Вторая ей что-то шепнула на ухо, и они рассмеялись.

Лизавета отдернула ширму и направилась в торговый зал, сунув по пути продавщице брюки и номерок со словами:

– Размер велик.

Одна из девчонок хотела снять Лизавету на мобильник, но я показала ей кулак, и она оставила свою затею. Мы зашли в другой бутик. Покупателей там не наблюдалось, что при его ценниках, красующихся в витринах под одетыми манекенами, было совсем неудивительно. Персонал соответствовал статусу заведения. Продавщицы не выразили никаких эмоций при виде экстравагантной покупательницы.

– Женек, присмотрись к этой кофточке, – указала мне Лизавета на короткий топ, едва достигающий до пупка. – Тебе пойдет.

Я для приличия пощупала материал, из которого сшит топ, потом прошлась рукой по другим вешалкам, но ничего брать в примерочную не стала, хотя несколько вещичек мне приглянулись. А вот Лизавета словно с катушек слетела, она брала одну вещь за другой, не обращая внимания на ценники. Наконец, со всем скарбом она отправилась в примерочную. Там мы провели больше часа. За это время выяснилось, что вкусы у нас с Елизаветой Константиновной совершенно разные. Все, что нравилось ей, мне казалось до безобразия вульгарным, а то, что нравилось мне, она называла скучным и беспонтовым. В итоге было куплено всего две обновки – длинный кремовый сарафан с прозрачной круговой вставкой на уровне чуть выше колен и укороченные брюки с мотней красно-коричневого цвета. И тот и другой предметы гардероба позволяли разглядеть татуировки. Мне остава-

лось только теряться в догадках, куда она собиралась надевать эти вещи.

– Нам нужна обувь! – бросила ключ Лизавета и шагнула было к ближайшему магазину, но, увидев девиц, насмехавшихся над ней в примерочной, передумала. – У меня полно обуви. Женек, пойдём покупать белье! И на этот раз ты от меня не отвертисься.

– Я просила вас не называть меня так, – заметила я, но Андреева меня, кажется, не услышала.

– Выбирай! – приказала она, когда мы зашли в бельевой бутик.

Это был запрещенный прием. Трудно представить себе женщину, которая могла бы устоять перед соблазном приобрести новое белье, и я не устояла, взяла кое-что для примерки. Лизавета набрала себе кучу кружевных вещичек, мы отправились с ней в примерочную и заняли соседние кабинки.

– Класс! Отпад! Супер! – раздавалось за перегородкой.

Лизавета не переставала меня удивлять, она вела себя как девочка-подросток, впервые примеряющая белье элитного бренда. Переодевшись, я вышла из своей кабинки и остановилась у соседней, там было подозрительно тихо.

– Елизавета Константиновна, вы скоро? – поинтересовалась я.

Мне никто не ответил, я потянула на себя дверцу – она открылась, и за ней никого не было, лишь валялась на пуфе гора белья. Ай да Лиза, все продумала! Заставила меня

раздеться, создала видимость, что занята примеркой, и тихонько сбежала. Как это ни странно, я не злилась ни на старушку за то, что она обвела меня вокруг пальца, ни на себя за то, что ее упустила. Работа, которая вчера представлялась мне донельзя рутинной, начала приобретать интригующие нотки. За несколько часов общения с Лизаветой я научилась немного понимать ее. Вряд ли эта женщина стала бы повторяться. Утром она сбежала от меня, уверенная в том, что я ее не найду. Сбегать второй раз, зная, что я могу отыскать ее с помощью технических средств, для нее – слишком скучно. Я ни секунды не сомневалась, что Лизавета станет наблюдать за моими действиями из какого-нибудь укромного местечка.

Сначала я направилась к кассе, расплатилась за белье, потом вышла из бутика и с нарочитой ленцой обвела взглядом окружающее пространство. Скорее всего, Андреева сидела за одним из столиков кафе, расположенного в мостовом переходе третьего этажа. За рекламными щитами не было видно посетителей кафе, но оттуда, если расположиться напротив небольшого проема между щитами, наверняка можно следить за происходящим внизу. Я решила проверить это, но так, чтобы не вспугнуть Лизавету. Сначала я спустилась на эскалаторе на подземный паркинг. Там мне бросился в глаза парнишка, который терся между моим «Фольксвагеном» и «Ягуаром». Стоило мне подойти к своей машине, как он тут же испарился. Убрав пакет в багажник, я закрыла свое авто и

направилась к лифту. Поднявшись на третий этаж и подойдя к мосточку, на котором стояли столики кафе, я заметила возвышающуюся над спинкой стула зеленую макушку. Вряд ли в Тарасове у кого-то еще были волосы того же цвета, колер явно был не из популярных. Когда до Лизаветы оставалось всего несколько метров, к ней за столик подсел мужчина. Он выглядел не менее экстравагантно, чем она. Седые волосы с одной фиолетовой прядью были забраны на затылке в хвостик, татуировка, начинающаяся от скулы, уходила под черную майку, поверх которой красовалась толстая цепь из белого металла. Он выглядел несколько старше Лизаветы, вероятно, ему было уже под семьдесят.

– Лизон, я все уладил, – сообщил дедок. – Сейчас они все поменяют. Ты так не расстраивайся, понимаешь, официантка первый день работает, еще толком не освоила ассортимент.

– Я ничуть не расстроена, – томно произнесла моя подопечная.

– Лизон, кого ты обманываешь? Я же вижу, у тебя пропало настроение. Если дело не в этом, то в чем?

– Так, семейные проблемы. – Андреева отклонилась назад, чтобы рассмотреть, что происходит внизу.

Я стояла практически у нее за спиной, но она даже не догадывалась об этом.

– Разве твои не уехали в Европу? – поинтересовался приятель Лизаветы Константиновны.

– Николас, давай не будем о них. – Она повернула голову в другую сторону и даже привстала, чтобы улучшить себе обзор.

– Как скажешь, Лизон! – Кавалер Андреевой поцеловал ее руку.

Я сочла не слишком приличным стоять за спиной своей подопечной, которая, оказывается, сбежала от меня на свидание. Причина была уважительной, но, если бы она сказала мне о том, что у нее запланирована встреча с мужчиной, мне бы и в голову не пришло сопровождать ее. Можно ведь обеспечивать безопасность, наблюдая за происходящим со стороны. Именно этим я и собралась заняться, причем не исподтишка, а в открытую. Ведь это не праздное любопытство, а моя работа. Пройдя мимо столика, за которым сидели Лизон и Николас, я даже не оглянулась назад, а дошла до самого дальнего столика и села вполоборота к ним. Официантка, которая направлялась с подносом к этой парочке, попутно подала мне меню. Бегло просмотрев его, я решила, что ограничусь чашечкой кофе.

Сделав несколько глотков обжигающего напитка, я увидела боковым зрением парня с паркинга. Маневрируя между столиками, расставленными в шахматном порядке, он направлялся в мою сторону, попутно собирая пакеты и сумки, которые беспечные посетители кафе бросали на свободных стульях. Лизаветины покупки также оказались в его руках. Наглость парня не знала границ. Когда он приблизился ко

мне, я подставила ему подножку, и он свалился на пол, выронив свои трофеи. Разумеется, все посетители кафе обратили на него внимание, а те, кто обнаружил пропажу, рванули к нему, чтобы вернуть украденное. Парень вскочил на ноги и бросился наутек. Я легко могла бы его задержать, но не стала, потому что он бежал прямо в руки охранника торгового центра. Николас забрал Лизаветины пакеты. Она кивком поблагодарила меня. Похоже, Андреева была единственной, кто понял, что это я не позволила воришке уйти из кафе с чужими вещами.

У меня создалось впечатление, что охранник уже знал этого парня, нечистого на руку, в лицо. Вероятно, тот не первый раз промышлял здесь, но сегодня был пойман. Не завидовала я этому парнишке. Охрана могла на славу потрудиться в какой-нибудь подсобке, чтобы навсегда отбить у него желание появляться в этом шопинг-центре.

Покинув кафе, Лизавета с Николасом какое-то время бродили по торговому центру, сделали несколько покупок для него, а потом вышли на улицу. Я услышала, что моя подопечная попросила своего приятеля вызвать ей такси. Она говорила нарочито громко, словно рассчитывала именно на то, что я ее услышу. Вероятно, она думала, что я брошусь на паркинг, где стоял мой «Фольксваген», а она тем временем отменит заказ и улизнет куда-нибудь вместе со своим приятелем. Я дождалась, когда Николас посадит ее в такси, запомнила номер и только после этого направилась к своей

машине. Что-то мне подсказывало, что Лизавета поехала домой, и я не ошиблась. На выезде из города я догнала такси и следовала за ним вплоть до усадьбы Андреевых.

Глава 5

Зайдя в свою комнату, я сразу обратила внимание на огромный букет роз, торчащий из напольной вазы, которой прежде в детской не было, а потом на поднос с фруктами, заменивший набор для игры в юного парикмахера, лежавший прежде на детском столике. Надо сказать, игрушек в комнате стало значительно меньше, а постельное белье с детским принтом было заменено на комплект с нейтральным рисунком. Вероятно, все это было проявлением благодарности за то, что я оказала первую помощь садовнику, который едва не погиб от укуса осы.

Взяв яблоко, я уселась в мягкую грушу и задумалась о том, как мне охранять Лизавету. Эта женщина явно была не из тех, кто позволит мне скучать. В тот момент, когда в мою голову пришла мысль, а не подбросить ли ей куда-нибудь маячок, в дверь постучались.

– Да-да! – произнесла я, ожидая увидеть кого-нибудь из прислуги.

– Женек, это я! – Елизавета Константиновна, одетая в купленный сегодня сарафан, прошмыгнула в детскую и закрыла дверь поплотнее. На голове у нее был тюрбан, из-под которого выбивалась зеленая прядка. Расположившись во второй груше, она с уважением произнесла: – До меня дошли слухи, что ты спасла Степана, жизнь которого висела на во-

ლოსკე. Пожлуй, он единственный человек из всей прислуги, нанятой Аленой, которого мне было бы жаль. У тебя сегодня день подвигов, что ли? Спасибо за то, что помогла задержать вора. Иначе весь сегодняшний шопинг пошел бы насмарку. Знаешь, Женек, а ведь я думала, что ты вылетишь из бутика как угорелая, разумеется, без покупки, станешь метаться по торговому центру, спрашивать людей, не видел ли кто меня, но я ошиблась. Ты степенно вышла из магазина, переложила пакет из одной руки в другую и, как мне потом показалось, осознала всю никчемность своей работы и отправилась по своим делам. Но ты снова удивила меня. Из тебя еще может получиться что-нибудь путное... Давай с тобой решать, что мы будем делать дальше.

Лизавета смотрела на меня, ожидая ответной реплики. Точка в нашем разговоре, состоявшемся на крыльце тату-салона, оказывается, не была поставлена. Андреева-старшая любой ценой хотела высвободиться из-под моей опеки, а мне предстояло выполнять диаметрально противоположную задачу – следовать за ней по пятам, обеспечивая безопасность. Похоже, Дмитрий знал, что его матушка всеми правдами и неправдами станет препятствовать выполнению моих прямых обязанностей, но не осмелился сказать мне об этом открытым текстом.

– Вы о чем? – я непонимающе воззрилась на хозяйку дома.

– Брось! Ты все прекрасно поняла. Назови сумму, которая тебя устроит.

– Ваш сын платит мне достаточно для того, чтобы я выполняла свою работу на совесть, – проговорила я, тщательно подбирая каждое слово.

– Какая же ты скучная! Так же нельзя! – возмутилась Лизавета. – Я к твоим годам уже все в жизни успела попробовать, а что было в твоей?

– Много чего было, – ответила я, не вдаваясь ни в какие подробности.

– Попробую угадать. – Андреева лукаво прищурилась, изучая меня. Потом не без сарказма стала излагать свои умозаключения. – Самое интересное, что с тобой было, так это секция карате, в которой полно мужиков, которым до тебя не было никакого дела. Хотя, возможно, там нашелся один, который на спор решил с тобой переспать, но ты догадалась об этом и накостыляла ему так, что он месяц о женщинах даже не вспоминал. Я права?

– Допустим, секция карате – это слишком примитивно, в моей жизни была Ворошиловка...

– Ворошиловка? – переспросила Лизавета, и когда я кивнула ей, подтверждая это, она с недоверием уточнила: – Это закрытая школа, в которой готовят спецagentов?

– Она самая. А вы откуда о ней знаете?

– О! – протянула она, загадочно улыбнувшись. – В моей жизни было много мужчин, и один из них прошел через Ворошиловку. Если то, что он рассказывал, правда и ты прошла через те же испытания, то у меня вряд ли хватит аргументов,

чтобы тебя переубедить. Ты же солдафонка, которой всерьез промыли мозги, поэтому все блага мирной жизни для тебя ничто по сравнению с высокой идеей спасения мира. Деточка, а тебе не претит, что вместо выполнения миссии вселенского масштаба приходится охранять обычную пенсионерку, сын которой решил пустить деньги на ветер?

Лизавета откровенно пыталась меня поддеть, вывести из состояния душевного равновесия. Ее расчет, похоже, был на то, что я обижусь на нее и откажусь от этой работы. Я была знакома с такой тактикой поведения тех, кого мне приходилось охранять против их воли. Но то были подростки или студенты-мажоры с обостренным чувством самолюбия, считающие, что обеспечение их безопасности – это синоним посягательства на их личную свободу. Для них «хочу» стояло над такими понятиями, как «надо» и «могу». Андреева вела себя как подросток, собственно, в душе она им и осталась. Ей нравилось эпатировать окружающих своей внешностью и смотреть на мир через призму своих желаний. Я справлялась с капризными юнцами, так неужели не справлюсь с этой бабулей?

– Елизавета Константиновна, вы правы, мне промыли мозги в Ворошиловке, – я решила воспользоваться методом присоединения, который позволяет расположить к себе оппонента, – поэтому свернуть меня с пути, по которому я иду, не получится.

– Я уж это поняла. Бедная девочка, как же мне тебя жал-

ко! – Андреева произнесла это с неподдельным чувством сострадания. – Может, мне оплатить для тебя услуги психолога? Вернешься к нормальной жизни, будешь наверстывать упущенное...

– А что, по-вашему, включает в себя понятие «нормальная жизнь»? – поинтересовалась я.

– Это... – Лизавета задумалась. – Много чего. Уж во всяком случае, не работа охранницей! Тебе еще со мной повезло. Моей жизни ничто не угрожает, поэтому опасности для тебя никакой нет. Но ведь, наверное, тебе приходится рисковать жизнью? Погоди, так ты из-за адреналина, что ли, в телохранители подалась?

– Можно сказать и так, – я не стала возражать, продолжая действовать по методу присоединения.

– Ясно. Тогда прошу прощения, со мной тебе адреналиновой встряски не видать. Ладно, – Елизавета Константиновна примирительно махнула рукой, – так и быть! Охраняй меня! Сегодня вечером я поеду в клуб. Мы с тобой поедem в клуб. Я покажу тебе, как надо зажигать!

Игриво подмигнув мне, Андреева поднялась из второго кресла-груши и вышла из комнаты. Вскоре в дверь снова постучали.

– Входите! – крикнула я.

– Я пришла узнать, – сказала Клавдия. – Может, вам что-то нужно?

– Нет, спасибо, – ответила я, но домработница продолжа-

ла топтаться у порога. – Вы что-то сказать мне хотели?

– Да. – Клава закрыла дверь и прошла в комнату. Поправив мягкую грушу, которую примяла хозяйка, она постояла около нее, но так и не решилась сесть. – Вы это... простите нас за то, что мы сразу не сказали вам про Лизавету.

– Проехали!

– Нет, не проехали. – Клавдия покосилась на дверь и перешла на шепот: – Ох, и намучаетесь вы с ней! Еще ни один телохранитель, которых нанимал Дмитрий Борисович, с ней не смог поладить.

– А мне и не нужно с ней ладить. Моя задача – ее охранять, – заметила я.

– Оно, конечно, так, только характер у Лизаветы очень непростой. Это она при сыне и внуках вся такая шелковая, но стоит им уехать, как она будто с цепи срывается. Женщине седьмой десяток, она ведет себя как трудный подросток.

– Седьмой десяток? – удивилась я. – Мне казалось, что ей лет пятьдесят семь.

– Шестьдесят три, – уточнила домработница. – Это она сейчас стала за собой ухаживать, на всякие SPA-процедуры ходить. Вы бы видели, как она выглядела, когда только появилась в этом доме! Я, честно говоря, подумала, что она бабушка Дмитрия Борисовича, а не мать. Мы все в шоке от ее татуировок были.

– А где она до этого жила?

– В Тарасове и жила, только Митя всю жизнь думал, что

его мать умерла, когда он был маленьким. Так ему отец говорил, – разоткровенничалась Клавдия, стирая пыль с кукольной мебели. – А после смерти отца Дмитрий Борисович обнаружил какие-то документы, свидетельствующие о том, что его мать жива. Я по случайности слышала, как он жене об этом рассказывал. Схоронив отца, Дмитрий Борисович занялся поисками матери и нашел, причем довольно быстро. Она не сразу решилась сюда переехать, поначалу только в гости навещалась, все свои татуировки она, естественно, скрывала. Но Сонечка тогда совсем маленькая была, сидела у бабушки на коленях и случайно оголила ее руку. Тут-то все и открылось! Лизавета в следующий раз оделась так, что все ее татушки видны были. Может, не все, но многие...

– Представляю, какой у всех шок был!

– Не то слово! Алена Мите скандал закатила, мол, какой пример она детям подает! Вдруг Илья тоже захочет татуировку сделать! Но Дмитрий Борисович поставил жену на место, сказав, что Елизавета Константиновна его мать, что он принимает ее такой, какая она есть, и просит относиться к ней с уважением. Алену, конечно, поначалу сильно коробило, что свекровь сюда переехала, но со временем она успокоилась. Детки у моих хозяев умненькие растут, для них бабушка со всеми ее странностями является не примером для подражания, а, наоборот, примером того, как не надо поступать. Сама же Лизавета здесь как-то окультурилась, матом практически перестала ругаться, за рюмку уже не так часто

берется. Между нами говоря, когда она выпьет, из нее сразу вся дурь начинает лезть наружу. При сыне и внучатах Лизавета держит себя в рамках, но стоит им только уехать, а мотаются они по заграницам часто, так наша пожилая хозяйка слетает с катушек. Вот прошлый раз телохранитель ее из Волги вылавливал, сам едва не утонул.

– Она что же, утопиться собиралась?

– Без понятия! Нам Сергей ничего толком не успел объяснить. Обещал зайти за расчетом, когда Дмитрий Борисович вернется, и рассказать подробности. Но, как я поняла, он потом в офисе «Алмаза» деньги получил и к нам больше не заглянул.

– И давно Лизавета здесь живет?

– Около четырех лет. Ладно, пойду я. – Клавдия оставила мне пищу для размышлений и была такова.

Поступок Дмитрия вызывал всяческое уважение. Он не отвернулся от матери, не только узнав, что она бросила его в младенчестве, но и принял ее со всеми ее странностями. И эта женщина пыталась учить меня жизни! К психологу предложила меня записать... Я невольно усмехнулась, вспомнив наш сегодняшний разговор с Лизаветой. Интересно, она всерьез считает, что ее жизнь – это образец для подражания, а моя требует немедленного вмешательства психолога?

Вечер наступил быстро. Лизавета сама напомнила мне о наших планах, заглянув в мою комнату и предупредив, чтобы я оделась не слишком скучно. Сама она была в купленных сегодня укороченных штанах с мотней и трикотажной кофте горчичного цвета с прорезями на плечах. Прикид у нее был довольно хулиганский, в моем гардеробе, возможно, и нашлось бы что-то ей под стать, но дома. Я взяла сюда только самые необходимые вещи, эпатировать своим внешним видом окружающих в мои планы не входило. Натянув на себя светло-голубые джинсы с легким «рваным» эффектом и футболку, слегка оголяющую одно плечо, я повертелась перед напольным зеркалом, обрамленным в розовую ажурную раму, и сочла, что выгляжу вполне подходяще для ночного клуба. Увидев меня, Лизавета одобряюще кивнула, мы спустились в гараж, сели в мой «Фольксваген» и отправились в город, как сказала моя пассажирка, развлекаться. По дороге она вела себя на удивление скромно. Андреева не учила меня жить, не пыталась откупиться и даже не просила держаться в клубе на расстоянии. Неужели свыклась с тягостной мыслью, что без меня ей не удастся и шагу ступить? Или что-то задумала?

– Вот в этот двор сверни, – попросила Елизавета Константиновна.

– Зачем? – поинтересовалась я.

– Клуб там.

– Но вы же сказали, что мы едем в «Бочку», – заметила я.

– Именно, – подтвердила Лизавета.

Увидев вывеску «Три бочонка», я поняла, что мы у цели.

Андреева то ли сознательно назвала другой клуб, то ли просто сократила название этого до одного слова. У входа стояло несколько дорогих машин, и я заключила, что заведение это вполне презентабельное, хоть находится в полуподвальном помещении.

Лизавета выпорхнула из моего авто и даже немного задержалась, поджидая меня. Мы направились ко входу. Охранник распахнул перед Андреевой дверь, а когда она вошла, он преградил мне путь.

– Но мы вместе, – сказала я.

– Сожалею, но я не могу вас пустить. Вы не прошли фей-скантроль.

Лизавета пожала плечами, как бы извиняясь за произошедшее, и скрылась в недрах заведения.

– Разрешите, – раздалось за моей спиной.

Оглянувшись, я увидела двух мужчин лет эдак семидесяти с ирокезами на голове. Я посторонилась, и неформалы пенсионного возраста беспрепятственно прошли в клуб.

– Женька, это ты, что ли? – спросил вдруг охранник.

Я присмотрелась к нему.

– Виталий? – я не поверила своим глазам, как изменился

этот парень.

Когда я только начинала работать бодигардом, то числилась в одной охранной фирме. Среди моих коллег был щуплый парнишка, над которым все прикалывались. Его взяли в штат лишь потому, что он был каким-то родственником учредителя. Мы не виделись всего пару лет, за это время он настолько заматерел, что я даже не узнала его. Впрочем, я к нему и не приглядывалась.

– Он самый! Женя, ты прости, но я действительно не могу тебя пустить.

– Скажи, Виталий, а по каким критериям ты фильтруешь посетителей?

– Во-первых, это оригинальный тюнинг, а во-вторых, солидный пробег.

– Значит, мало быть неформалом, надо еще перейти в категорию «пятьдесят-плюс», – перефразировала я.

– Да, здесь собираются неформалы всех направлений – панки, хиппи, растаманы.

– И что, все они ладят между собой?

– Потасовки бывают, но крайне редко. Насколько я понял, ты охраняешь ту тетку с зелеными волосами? – спросил Виталик, и я кивнула, подтверждая это. – Она бывает здесь набегами. То два-три раза в неделю заглядывает, то пропадает на несколько месяцев. Не переживай, ничего с ней там не случится. Внутри тоже охрана есть, ребята толковые, если вдруг какой-то конфликт будет назревать, они его на корню

погасят.

– А скажи-ка мне, Виталий, другой выход отсюда есть?

– Есть, но с другой стороны тебя тоже не пустят. Даже не пробуй!

– Я и не собиралась. Как бы моя бабуля не собралась сбежать от меня через запасной выход.

– А зачем ей это?

– Мало ли...

Мне пришлось отойти в сторонку, потому что в клуб завалялась целая компания готов. Одному мой знакомый охранник поклонился едва ли не в ноги.

– Узнала? – спросил Виталий, закрыв дверь за новыми посетителями.

– С таким макияжем отца родного не узнаешь, – усмехнулась я, и в следующий момент, как вспышка озарения, перед моим внутренним взором появилось лицо тарасовского чиновника. Те же квадратные скулы, нос с горбинкой, что у за-всегдашняя «Трех бочонков», перед которым расшаркивался Виталий. Тетя Мила училась с ним в параллельной группе юридического института, о чем упоминала всякий раз, когда Петра Калистратова показывали по телевизору. – Это тот, про кого я подумала?

– Ага, – подтвердил мой знакомый. – Здесь много публичных людей бывает.

– Ладно черные тени. Где они помаду черного цвета берут? – спросила я, пребывая в легком шоке от увиденного.

– Думаешь, проще всего вырядиться в траурную одежду, намалевать сажей лицо и попытаться сюда пройти? – усмехнулся Виталий, уверенный, что прочитал мои мысли. – На самом деле это – вариант так себе. Нужны еще рекомендации. Твоя клиентка может за тебя поручиться?

– Не думаю. Ей это ни к чему.

– То-то же.

– Виталий, как ты смотришь на то, чтобы положить в свой карман несколько купюр за то, чтобы попросить кого-нибудь из внутренней охраны проинформировать тебя, если моя клиентка задумает выйти отсюда через другую дверь?

– Это можно. – Охранник приободрился. – Давай отойдем в сторонку, чтобы под камерами не рисоваться.

Мы сделали несколько шагов в сторону, и я заплатила охраннику клуба за информацию. Он тут же позвонил своему коллеге:

– Стас, это я. Можешь маякнуть мне, если тетка с зелеными волосами задумает через служебный вход испариться? Таксисту не заплатила, обещала за две поездки деньги отдать. Понимаешь, это мой дядька. Да, тот самый. С меня простава.

– До которого часа клуб работает? – поинтересовалась я у Виталия, когда он дал мне знать, что все будет путем.

– Обычно все под утро расходятся. Но твоя кикимора дольше двух часов ночи обычно не задерживается. Извини, народ повалил. – Охранник устремился ко входу. Из пяти

человек, что пытались войти в «Три бочонка», он двоих завернул.

Рваные джинсы и футболки с пошловатыми надписями на английском оказались для него недостаточно убедительным аргументом, чтобы пропустить их носителей внутрь заведения. Даже возраст не помог – обоим мужикам было под шестьдесят.

Я села в машину и, чтобы как-то скоротать время, решила послушать музыку. Играл третий или четвертый трек, когда я заметила, что Виталий держит одной рукой около уха мобильный, а второй делает мне какие-то знаки. Выйдя из машины, я сразу же направилась в «слепую зону» камеры наружного наблюдения.

– Короче, Стас отзвонился. Он слышал, как кавалер твоей тетки заказал такси, причем попросил, чтобы машина подъехала к торцу здания. – Виталий махнул рукой влево.

– Но там какой-то магазин.

– Да, был хозяйственный магазинчик, но владелец клуба его недавно выкупил. Старую вывеску еще не убрали.

– Ясно. Спасибо, что помог.

Минут через десять мимо меня проехало такси, в которое за углом украдкой сели мои старички. Очень скоро мне пришлось их разочаровать, дав понять, что незаметно улизнуть из «Трех бочонков» им не удалось. Конечно, я могла бы следить за Лизаветой и ее приятелем так, чтобы они об этом даже не догадались, но у меня была другая задача. Мне пред-

стояло не шпионить за матерью своего клиента, а охранять ее, хотелось ей этого или нет. Судя по тому, что таксист превышал скорость, пытался проскочить на желтый, а то и красный сигнал светофора, Андреева заметила мой «Фольксваген» и попросила водителя оторваться от меня. Вышло, что я, вместо того чтобы обеспечивать безопасность этой экстравагантной дамы, спровоцировала аварийную ситуацию. Осознав это, я подумала, а не оставить ли Елизавету Константиновну в покое. В конце концов, она имеет право на личную жизнь. Я отпустила такси на длинный поводок, но машина, в которой находились Лизавета и ее приятель, продолжала гнать по вечернему городу на предельной скорости, и скоро я ее потеряла из виду.

Откровенно говоря, я тихонько злилась на своего работодателя, заверившего меня, что мне придется всего лишь пару раз в неделю сопровождать его матушку в город, когда она соберется посетить поликлинику. Дмитрий вообще представляет себе, чем занимается его мать, пока он ездит по заграницам? Задав себе этот вопрос, я поняла, что ответ на него, скорее всего, положительный. Ко мне запоздало пришло осознание того, что меня наняли охранять Елизавету Константиновну вовсе не от конкурентов ее сына, а от нее самой. Бабуля была безбашенной, и кто-то должен был ее сдерживать. Я решила догнать такси, и через два квартала мне это удалось. Как только мой «Фольксваген» приблизился к его машине, таксист опять стал превышать скорость,

петлять по дворам и едва не сбил пешехода. Тот вжался в фонарный столб и пригрозил мне рукой. Именно мне, а не водителю такси. Похоже, со стороны ситуация выглядела так, что я преследую его, а он вынужден спасаться, нарушая ПДД.

Весь вечер мы играли в догонялки. Андрееву и ее седовласого кавалера эта игра, похоже, забавляла. Поравнявшись с такси, я увидела в свете фонаря, что парочка экстравагантных старичков, сидящая на заднем сиденье, просто кайфует от того, что осложняет мою работу. Будь на месте Лизаветы избалованная девчонка-подросток, я заставила бы таксиста остановиться, пересадила бы ее в свою машину и отвезла домой. Но к пенсионерке такие санкции не применишь. Похоже, она это понимала и боролась за свою свободу, как могла, рассчитывая на то, что мне все это надоест и я от нее отстану. Помощь пришла, откуда не ждали. То ли таксиста такая экстремальная езда достала, то ли у него возникли сомнения, что пассажиры платежеспособны, но он совершенно неожиданно остановился. Я сделала то же самое. Таксист вышел из машины и направился в мою сторону. Наклонившись к боковому стеклу, он спросил:

– Оплачивать аттракцион будете?

– Простите? – опешила я.

– Мои пассажиры сказали, что это вы, – водитель всунул свою голову в открытое наполовину окно, – будете оплачивать их поездку.

– С какой стати?

– Дескать, это вы заказали такую гонку.

– Сколько? – спросила я, заметив, что парочка выходит из такси. Сумма, которую я услышала, была сопоставима с ценой на авиабилет до Москвы. – Вы в своем уме?

– А что вы хотите? Это с учетом штрафа. Я определенно попал в камеру, когда стрелка на моем спидометре к девяноста километрам приблизилась. Так что придется штраф платить.

– Вы что, всерьез думаете, что я вам заплачу? – спросила я, глядя на парочку престарелых неформалов, сворачивающую в арку.

– Уже нет, – усмехнулся таксист. – Расслабьтесь! Все оплачено. Меня просто попросили вас задержать.

Мужик вытащил голову из салона моего авто и пританцовывающей походкой направился к своему авто. Похоже, он сделал на последней поездке дневную выручку. Лизавета сорила деньгами недавно обретенного сына направо и налево. Дмитрию стоило бы ограничить ее в финансах. Такая мера вполне могла бы ее обуздать.

Ворота, за которыми исчезла парочка, были закрыты на замок, так что мне пришлось ждать Андрееву около них. Стоило признать, что развела она меня профессионально и с чувством юмора. Но я на нее не злилась, больше на Дмитрия, который мог бы и предупредить меня, на что способна его матушка. Или он сам не представляет, насколько она безбашенна?

Часа через два Лизавета, сопровождаемая Николасом, вышла из двора и направилась напрямиком к моей машине. Судя по шаткой походке, бабуля была сильно навеселе. Плюхнувшись на переднее пассажирское сиденье моего «Фольксвагена», она послала своему приятелю воздушный поцелуй, а затем скомандовала:

– Домой!

Сначала мы ехали молча. Андреева дремала, откинувшись на подголовник. Вой сирены «Скорой помощи», ехавшей нам навстречу, разбудил мою пассажирку. Оглядевшись, она поняла, где находится, и завела уже известную мне песню:

– Женек, вот что мне с тобой делать?

– В данный момент – ничего.

– Очень смешно, – фыркнула она. – И откуда ты только свалилась на мою голову? Вся такая правильная, аж противно! Да уж, в этот раз Митя превзошел себя. Где он только тебя нашел? А знаешь что? Как Митя тебя нанял, так и уволит! Я ему позвоню и такое про тебя расскажу, что ты ни секунды у нас не удержишься! Он тебе ни рубля не заплатит!

Идея, пришедшая в нетрезвую голову Елизаветы Константиновны позвонить сыну и оклеветать меня, воодушевила ее, она стала искать в сумочке телефон, но никак не могла его там обнаружить. Решив, что мобильник остался у Николаса, Лизавета стала заверять меня, что обязательно дозвонится до Мити, но позже, из дома. Я не пыталась отговорить ее от

этой затее, хотя понимала, фантазии у нее достаточно, чтобы придумать более или менее правдоподобную историю о моей профнепригодности.

– Вот скажи мне, Женек, неужели тебе самой нравится вмешиваться в чужую личную жизнь?

– Я не вмешиваюсь ни в чью личную жизнь, – спокойно ответила я.

– Да? А зачем тогда ты увязалась за мной?

– Вы же сами позвали меня сопровождать вас в клуб.

– Слушай, а как ты узнала, что мы с Николасом вышли через другой вход и сели в такси?

– Случайно, – ответила я будничным тоном.

– Случайно? – недоверчиво переспросила Лизавета. – Выходит, тебе просто повезло?

– Можно сказать и так, – кивнула я. Сдавать охранников «Трех бочонков», которые помогли мне информацией, в мои планы не входило.

На какое-то время моя пассажирка приутихла, а потом снова стала приставать ко мне со своими нравоучениями:

– Слушай, Женек, а тебе бы понравилось, если бы за тобой кто-то постоянно по пятам ходил? Ты – в ресторан, тень – за тобой. Ты на свиданку, она снова у тебя за спиной. И так каждый день. Вот как ты думаешь, каково это?

– Если вы под тенью подразумеваете телохранителя, то с ним, наверное, спокойнее.

– Мне, знаешь ли, и без всяких охранников спокойно. А

вот с ними как-то не очень. Но ничего, завтра я от тебя избавлюсь. Не захотела по-хорошему, будет по-плохому. – Ли-завета снова откинулась на подголовник и задремала.

Проснулась она только тогда, когда я въехала в подземный гараж и заглушила двигатель.

Глава 6

Елизавета Константиновна спустилась в столовую в парике и в шелковом халате с длинными рукавами, доходящем до пят. Вела она себя за завтраком отстраненно, толком ни с кем не разговаривала – ни со мной, ни с прислугой. На мое приветствие она лишь кивнула, а на вопросы Нади, касающиеся меню, отвечала односложно. Сегодня она была совсем не похожа на ту женщину, которую я вчера нашла в тату-салоне, с которой бродила по торговому центру и уж тем более на ту, которую вечером везла домой. Надев парик и одежду, скрывающую все ее татуировки, Лизавета будто закуталась в кокон, отгородившись от внешнего мира.

После завтрака она вышла в сад, а я вернулась к себе. Мне не было никакого смысла таскаться за ней по территории усадьбы. Если кто-то хотел бы надавить на Андреева через его мать, то он не стал бы лезть на частную территорию.

Едва я зашла к себе, как завибрировал смартфон, лежавший в кармане моих джинсов. Достав его и посмотрев на дисплей, я поняла, что это Андреев.

– Да, Дмитрий, я вас слушаю, – ответила я нейтральным тоном, осознавая, что Лизавета вполне могла выполнить свою вчерашнюю угрозу.

– Добрый день, Евгения! Как дела? – поинтересовался он вполне доброжелательно.

– Нормально.

– Нормально? – удивился Андреев.

– Да, все хорошо, – подтвердила я со всей убедительностью, на которую только была способна.

– То есть вы не собираетесь жаловаться на мою маму, просить прибавки к жалованью за «вредные условия» работы или даже грозиться мне увольнением? – поинтересовался Дмитрий, не веря в то, что такое возможно.

– Не собираюсь.

– Странно. Очень странно, – обескураженно произнес мой работодатель. – Вы первая из всех телохранителей, которых я нанимал, не предъявляете никаких претензий. Если честно, то меня это даже настораживает. Скажите, моя мама здорова?

– Вполне.

– Тогда я ничего не понимаю. Вы успели с ней познакомиться поближе?

– Более или менее. Дмитрий, у меня есть к вам один вопрос.

– Задавайте! – разрешил мой клиент.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.